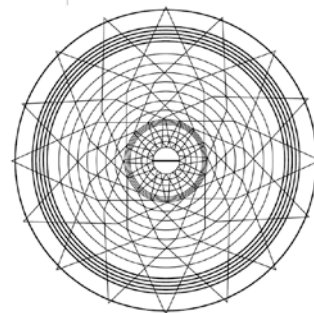

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

ПЕРЕВОДЯ МАКЛЮЭНА: ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ ГЕННАДЬЕВИЧЕМ НИКОЛАЕВЫМ

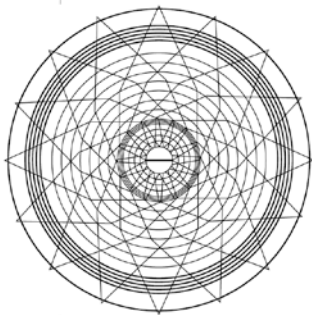
Беседовала Варвара Чумакова

– Владимир Геннадьевич, мой самый первый вопрос – когда вы вообще первый раз услышали про Маклюэна?

– Трудно сказать. Имя Маклюэна так или иначе фигурировало еще в мои студенческие годы, в конце 1980-х – начале 1990-х годов. У нас не было специальной литературы о нем, но очень многие вещи, значимые в западной мысли, мы узнавали в рамках изучения критики буржуазной идеологии, критики буржуазной социологии, критики буржуазной философии; Маклюэн фигурировал как представитель технологического детерминизма – одной из концепций общественного развития, наряду с другими их разновидностями. Собственно, была обширная общественно-политическая литература критического характера, в которой так или иначе Маклюэн фигурировал наряду с другими авторами – всё это преподносилось как буржуазная идеология. Нельзя сказать, что его идеи глубоко осмыслились; это было такое неспециализированное осмысление, осмысление в рамках вообще общественных наук как таковых, на фоне единственно правильной концепции общественного развития – исторического материализма. В основном в те годы это называлось философией, философия была просто «шапкой» для разного рода занятий интеллектуальных. Социология появилась официально как специальность в середине восьмидесятых годов, первые отделения.

– Преподаватели вам рассказывали об идеях Маклюэна?

– Нет, мы скорее по крупицам читали что-то о нем, так как социально-научной литературы в том виде, в каком она существует сейчас, тогда не существовало в принципе. Издавались разные сборники с критикой буржуазной идеологии, философии и социологии, о которой я уже сказал, периодически выходили статьи какие-то. Очень ценились статьи, в которых содержались крупницы хотя бы пересказа каких-то кусочков теорий. Первоисточники же тогда не были у нас доступны. Это сегодня библиотеки открыты, а тогда это был в значительной части спецхран, требовались специальные допуски для чтения этой литературы. Тот же ИНИОН использовался как хранилище социально-научной литературы – это тоже было закрытое заведение, туда можно было иметь доступ только при определенных условиях, начиная с аспирантуры, насколько я помню.

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

– А там были первоисточники?

– Они были там скорее всего, и если кто-то получал читательский билет в ИНИОН, например, или в Ленинскую библиотеку, он мог почитать Маклюэна. Но, конечно, читательский билет не каждый мог получить. Я больше пользовался библиотекой Московского университета, а значительная часть литературы на иностранных языках содержалась в специальных фондах, и требовался специальный допуск, но я его никогда не искал в те годы.

– А как-то Маклюэн вообще обсуждался среди студентов в курилке или за бокалом чего-нибудь где-нибудь?

– Обсуждался, наверное. Потому что были любители, поклонники в конце концов, те, кто читали. В конце концов, именно они инициировали издание переводов Маклюэна, попытку, по крайней мере, издания переводов после распада Советского Союза. В конце девяностых годов в России были люди, которые знали, которые читали, которые очень ценили Маклюэна.

– А кто были эти люди, кто затеял издание переводов Маклюэна в России?

– Например, если говорить о переводе книги «Понимание медиа», который я делал, то здесь было два инициатора – это издатель Николай Даутович Саркитов и Александр Фридрихович Филиппов. Они, собственно, инициировали этот процесс, они знали, зачем это нужно и почему это интересно. Это был примерно 1998 год. Обратились ко мне, так как я уже публиковал какие-то переводы, меня знали как переводчика. Эта книга вошла в список рекомендуемых к изданию книг в программе Translation Project Фонда Сороса. Был выделен грант издательству «Канон пресс центр – Кучково поле», издательство взяло эту книгу, а мне предложили ее перевести. Для меня это было первое столкновение с Маклюэном. Мне сказали, что это очень важная книга, что этот перевод надо сделать. Когда я ознакомился с текстом, я понял, что мне это интересно. Хотя потом, при более близком ознакомлении, оказалось, что эта книга не настолько социологична, как те социологические тексты, к которым я как переводчик привык. Она оказалась гораздо богаче и сложнее.

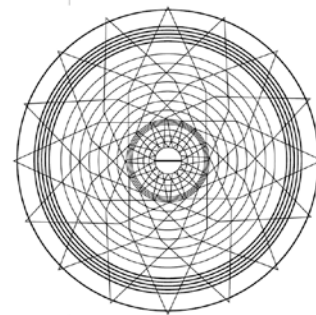
– А когда вы стали переводить, были ли какие-то проблемы или трудности?

– Проблем было выше крыши. Это очень сложная для перевода книга. Первая сложность – она требует такой эрудиции, которая была бы соразмерной эрудиции автора. Там очень многие вещи фигурируют исподволь, очень много скрытых цитат, текст напичкан разного рода невидимыми ссылками, это была колоссальная работа – просто разобраться в этих ссылках, найти все неуловимые отсылки, всякие аллюзии к каким-то текстам. Там нет справочного аппарата, там нет примечаний, там сплошной текст. Это была колоссальная работа со справочной литературой. Очень полезная, конечно, просветительская работа для самого себя. То есть необычайное расширение кругозора за

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

привычные пределы. Это первое, что вспоминается. Огромная работа, копание постоянное в литературе, чтобы выяснить, к чему Маклюэн отсылает, что он имеет в виду, что это за люди, что это за понятия, персонажи, факты, кинофильмы, художественные произведения, чего там только нет!

Вторая сложность – собственно, сам текст. Он как бы внутри очень разножанровый, негомогенный. Идут разные виды письма, некоторые очень близкие к стандартным социологическим текстам, были отрывки, главы отдельные, особенно ближе к концу – такие вполне стандартные социологические тексты, а были главы, в которых ничего общего с социологией не было.

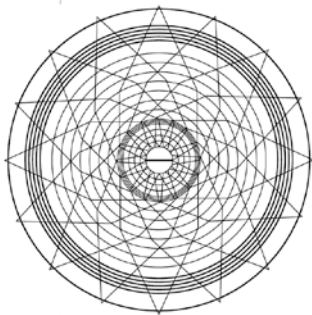
Третья сложность – для очень многих слов, терминов, которые там употреблялись, не существовало еще готовых адекватных аналогов в русском языке. Соответственно, в сам текст на русском приходилось вносить достаточно много языковых инноваций. Какие-то из них сегодня уже не выглядят инновациями, самое расхожее – это слово «паттерн», которое тогда очень в штыки воспринималось, и, собственно, некоторые уступки критикам перевода были сделаны в этом тексте, и слово «паттерн» заменено на что-то другое. В отдельных местах не было в русском языке готовой терминологии для передачи Маклюэна. Приходилось просто по ходу дела придумывать, изобретать, взвешивать на свой страх и риск. Отсюда возникла еще одна проблема – в Фонде Сороса: перевод дважды проходил рецензирование, оба раза его не прошел, с такой формулировкой, что ошибок явных в переводе особо нет, но по-русски так говорить нельзя.

И в итоге так получилось, что эта книга осталась без внешней финансовой поддержки, и тогда издатели взяли на себя смелость вложиться в неё, издать. Эта смелость себя оправдала: книгу четыре раза переиздали на данный момент. Тем не менее, вот эти сложности были: очень тяжело было делать текст, и он очень тяжело воспринимался рецензентами. Мне потом читатели писали, в т.ч. незнакомые по электронной почте, приходили отзывы, благодарности за этот перевод. Так что, видимо, не так уж и тяжело читается, как казалось критикам.

– Кроме слова “паттерн” что-то ещё смущало критиков?

– Там сплошь и рядом всё смущало, я сейчас уже всего не помню, просто сегодня это уже выглядит банально, сегодня никого не удивляют такие обороты, а тогда приходилось за каждую фразу чуть ли не жизнь положить, огромное количество нервов, для того чтобы доказать, что это надо так, что по-другому нельзя писать. Что так, как это привычно звучит на русском, будет неточно по смыслу.

– Можно даже вот с названия начать, вы говорили, что вы добавили “Внешнее” расширение, потому что в оригинале там было просто “extensions”.

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

– Да, начиная с названия трудности в переводе. Extensions – расширения, или продолжения человека. Было добавлено определение «внешнее», я даже не знаю... может быть, этого и не надо было делать, но там очень важно было передать этот смысл «внешнего», его тоже нужно было схватить, даже если это прилагательное избыточное, там же целый мостик перекидывается к тематике отчуждения, в том числе в контексте философии техники, социологии техники марксистски ориентированной. Отчуждение, когда человек производит что-то буквально из самого себя – и это становится внешней его частью. Это не просто расширение, которое остается частью человека, а расширение, которое буквально от него отваливается, отпадает, начинает самостоятельно жить... Это очень хотелось передать, поэтому «внешние». К этому рецензенты тоже придирались.

– А про “горячее и холодное”? В оригинале hot & cool, а вы всё-таки решили сделать холодное, а не прохладное?

– Ну, это известная пара. Не только Маклюэн использовал, а использовал Леви-Стросс. Мне эти понятия были известны в готовых формах, я ничего от себя не изобретал. Я узнал об этих понятиях на лекциях, насколько я помню, Вячеслава Всеволодовича Иванова; он в МГУ читал лекции по истории и теории мировой культуры. Иванов очень много разных вещей рассказывал, в том числе из антропологии. В частности, у Леви-Стросса – понятие «горячих» и «холодных» культур. У Маклюэна то же самое. Я не видел смысла что-то менять, для меня даже вопроса не было. «Горячее – холодное».

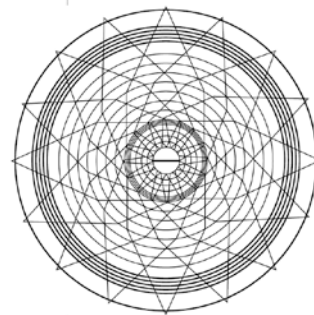
– А еще к чему придирались?

– Например, к «ампутации» чувств. Эти слова действительно выглядят как-то вычурно. Там очень много было претензий по мелочам, у меня где-то хранятся эти рецензии, в архивах, надо искать. Это огромные списки, какие слова по-русски употреблять нельзя, какие выражения по-русски строить нельзя, – мне тяжело было с этим согласиться. Частично я соглашался, и, собственно, после первой рецензии, в которой мне сказали, что по-русски делать нельзя, я переделывал ещё целый год. Что значит переделывал? Пытался сделать его более читабельным, чем он был, не поступаясь тем, что я считал нужным в переводе сохранить. Хотя выход тот же самый получился, всё то же самое: что так публиковать нельзя, так по-русски не пишут. Да, были очень большие списки. Например, «Средство коммуникации есть сообщение» – претензия, что поскольку по-английски эта очень энергичная фраза, то и по-русски она тоже должна быть короткой, энергичной по количеству слогов. Я не знал, как это сделать иначе, оставил как есть. Там вообще очень много игры с этим «средство коммуникации есть сообщение»: и массаж, и мессидж, это не обязательно сообщение, это ещё, если вдуматься в то, что он пишет, своего рода смысл и последствия, это гораздо шире, чем просто сообщение в смысле передачи некоторой информации.

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

– Какая глава в книге оказалась для вас самой сложной?

– Они все по-разному сложны. Те же последние главы, которые достаточно сухие и похожи на стандартные социологические тексты, – их было даже труднее переводить. Это обманчивая легкость, что можно просто взять и перевести. Потому что все смыслы играют, всё не совсем то, как это просто буквально выражено. Их труднее было переводить из-за того, что много слов было, уже имевших калькированные готовые переводы на русский язык, из-за этого тоже были сложности. Там очень много стандартных социологических терминов, просто слов, которые использовались как ходовые монеты в советском социально-научном и философском жаргоне, и вы не могли их иначе перевести. Иногда легче какую-нибудь сложную очень метафоричную фразу перевести, чем перевести такие места буквально и точно.

Везде были разные трудности. Трудности были и с отсылками к Джойсу: приходилось какие-то вещи с нуля переводить. Кстати говоря, спасибо рецензентам: они тогда дали хорошие советы по переводу отрывков из «Поминок по Финнегану». В частности, слово «немя» – это предложение рецензента.

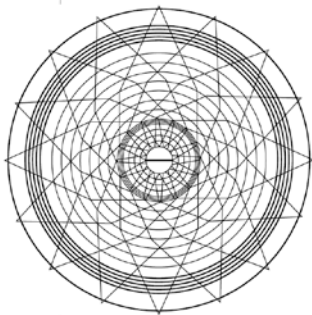
– А что было сразу после выхода книги в свет? Вы сказали, что вы получали благодарности от читателей?

– Знаете, я специально это не отслеживал и, честно говоря, не ожидал, хотя изначально это планировалось и очень на это рассчитывали, что книга будет хорошо покупаться, что она действительно вызовет читательский интерес. Первый тираж довольно быстро разошелся; это было видно по тому, что книжка просто пропала из продажи. Там было 2000 экземпляров, это немного, но чуть больше, чем стандартный тираж того времени. Обычно это 1000 экземпляров или 500 для социально-научной литературы. А 2000 тогда было много, но и плюс это только первое издание.

О том, что есть спрос на эту книгу, я узнавал через издателей, которые затевали переиздания. Сначала мне сообщили, что второе переиздание хотят сделать, потом третье, потом четвертое, – значит, покупают. Ну и время от времени действительно были какие-то отзывы, по почте и лично, они для меня были неожиданные и приятные.

– Сейчас такой пафосный вопрос: как вы думаете, какое место Маклюэн и его идеи занимают в российской науке?

– В российской науке, мне кажется, Маклюэн занимает очень скромное, незаслуженно скромное место. С одной стороны, особенно в более или менее старшем поколении, трудно найти человека, который хотя бы раз в каком-то контексте о нем не слышал. Он же в свое время был очень популярен не только как ученый-мыслитель, а как такое публичное лицо, учёный-оратор: на телевидении выступал, многие его высказывания разошлись как ходовые

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

выражения. Кто у нас выражение «глобальная деревня» не знает? Наверное, каждый второй знает, из старшего поколения, по крайней мере. Да и помладше – тоже хоть как-то все что-то да слышали.

Но когда речь заходит о людях, которые очень хорошо в этом разбираются, они никак не оставили внешних следов своего знания: ни текстов статей, ни книг. О Маклюэне никто не пишет. Вроде бы знают, что-то вроде рассеянного диффузного знания есть, а писать об этом не пишут. Но ладно не пишут. Именно эта широкая известность играет против Маклюэна. К нам приходят многие модные идеи в качестве инновации, будто бы это этакое последнее слово. Но если почитать Маклюэна, то многие современные моды кажутся просто вторичными или даже ученическими, хотя иногда интересными и продуктивными для развития. Взять, например, понимание технологий и их места в современной человеческой жизни. Маклюэн гораздо лучше понимает технологии, чем большинство наших современников – социальных ученых, философов; он на шаг впереди них, хотя книга «Понимание медиа», в которой это систематически более или менее изложено, – это книга очень старая, 1964 года, ей полвека, текст полувековой давности. А она на несколько шагов впереди.

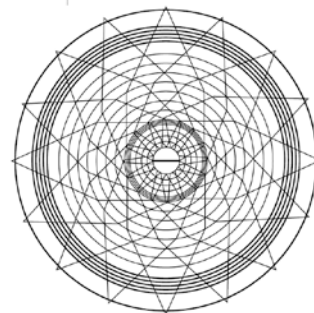
Для кого-то большое откровение, например, акторно-сетевая теория, в частности то, что в сети включаются не только человеческие, но и нечеловеческие элементы. Это задолго до этого было у Маклюэна. Да и Маклюэн не был тоже в этом пионером, это было в американском прагматизме, который отчасти на него повлиял – через промежуточные звенья, в частности через идеи Джорджа Герберта Мида. Это то, что Маклюэн называет тотальным мышлением в современном мире, когда нужно мыслить целостности, в которых разные элементы – человеческие, нечеловеческие, технологические – занимают свои места и приносят свою детерминацию. Маклюэн остановил внимание на тех воздействиях, которые на тотальную конфигурацию оказывают разного рода технологии. Маклюэн – это не просто «средство коммуникации есть сообщение». Он рассмотрел достаточно широко технологии вообще и понятие медиа как посредника, у него практически готовая модель теории медиа, которые имеют свою логику независимо от содержания, свою форму, которая всё меняет в человеческом восприятии, в человеческом опыте, в структуре человеческого опыта, индивидуального и коллективного, и так далее. Объяснительная сила колоссальная. Это не осмыслено всё: какие-то крохи из этого берутся; более широкие импликации того, что предложил Маклюэн, не рассматриваются. Я считаю, что то, что предлагают в рамках акторно-сетевой теории сегодня, – это прекрасные вещи, которые должны быть, но в них разворачивается гораздо меньше тех возможностей, которые были у Маклюэна.

Это был человек, который набрасывал широкими мазками очень широкую картину: огромное множество различий, позволяющих какие-то действительно значимые различия схватить. Этими понятиями удобно

[Интервью]

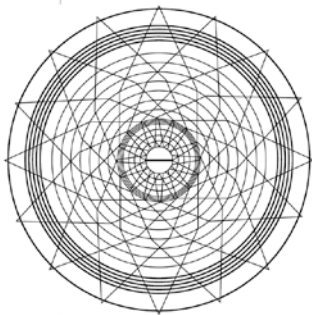
Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

пользоваться, их можно как-то развивать, совершенствовать. Не то что бы это не делается совсем, это делается, много чего делается, но оно как делается? Кто-то где-то написал что-то, это написано – значит, это уже есть, можно этим больше не заниматься, можно больше об этом не говорить. В итоге эта мысль оказывается не интегрирована в структуру мышления современного человека, а мысли Маклюэна, мне кажется, нуждаются в такой интеграции, хотя бы потому, что он за полвека до нас чуть ли не документально описывает то, что сегодня с нами происходит. Какие-то кусочки его текста, написанные полвека назад, сегодня читаются практически как документальные репортажи о том, что происходит с некоторыми сегментами российского населения сегодня. Например, различие между горячим и холодным в связи с электронными средствами: социальные сети, которые возникают как горячие медиа – как новые внешние расширения человека, которым он отдается как нарцисс, который не видит себя в этом отражении, зачарован этим процессом, думает, что это и есть весь мир, и так далее, плюс очень высокая степень информационной насыщенности, – и одновременно холодные в каком-то смысле, т.е. требующие участия, достраивания, взять те же сокращенные посты или не до конца определённые невербальные знаки. Комбинация горячих–холодных: с одной стороны, гипернасыщенность информацией, непривычно огромный объем информации, которая на человека обрушивается, с другой стороны – неполнота информации. Поэтому все это одновременно действует как горячее средство, ведущее к тому, что Маклюэн называет «оцепенением», «самоампутацией», отсутствием рефлексии, выносом в бессознательное тех форм, которые играют роль при упорядочивании опыта в этом процессе, и как очень вовлеченное, активное участие в работе в качестве марионетки этого нового медиума. С одной стороны, человек оказывается просто выполняющим инструкции, идущие от этой новой медийной формы, с другой стороны – выполняет это вполне вовлеченно. То есть это какие-то новые комбинации в игре человекоробота в качестве механизированного винтика, который просто нерефлексивно реагирует на сигнал, инструкцию.

В том числе этот термин, «ампутация» мозга, о котором он в самом начале говорит, – тоже чрезвычайно важная идея: мозг овнешвляется. Это очень важная вещь, она недостаточно осмыслена. В частности, возьмем область научных публикаций. Их становится очень много, к ним предъявляются огромные требования, но по сути речь идет о том, что формируется огромная информационная база научного знания, которая существует в виде текстов в сети. Того, что они существуют в сети, как бы уже достаточно для того, чтобы это знание больше никогда не активировалось в новых текстах, потому что они уже есть, потому что не новое публиковать нельзя – всегда должно быть что-то новое. И вот такая комбинация в итоге: просто где-то что-то опубликовано, оно умирает и является как бы существующей частью человеческого знания. Об этом много спекулятивно говорят, что касается современной молодёжи, которая

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

выросла с этими новыми медиа, с Интернетом и с этими небывалыми возможностями доступа к самым разным источникам информации, разных данных, в том числе и научных данных, очень много ехидно рассказывают о человеке, который вырос в Интернет-среде: привыкает с малых лет и считает, что всегда можно найти любое знание и что это заменяет учебный процесс. Внешнее знание – это внешний носитель, внешний диск; предполагается, что наличие внешнего диска – это какая-то такая гарантия того, что человек что-то знает. В итоге человек реально ничего не знает, идёт тяготение к незнанию ничего, потому что знание во внешней форме настолько велико, что вроде как и заботиться больше не о чем – обладая навыком поиска, можно в любой момент, в любую секунду что-нибудь найти, накопать. И вот эта метафора «накопать» как познавательная стратегия – она же совершенно отлична от познавательной стратегии, которая существовала до этих новых медиа. Там была другая познавательная стратегия. Понятие познания меняется, всё представление о познании, передаче знания в науке, научного знания, научного поиска, значимости науки, практического осуществления науки – оно меняется. Это одна из тех сфер, где Маклюэн не будет лишним для того, чтобы понять какие-то общие контуры; их, может быть, даже кто-то и понимает.

Возможно, то, что я говорю, – это какие-то банальности, что-то чисто спекулятивное. Каждый скажет: мы всегда об этом слышали. Но это не является частью рабочего знания и рабочего понимания происходящего процесса. Нигде не видно, чтобы каким-то образом внятно упорядочивалось понимание того, что сегодня с нами происходит. И Маклюэн, как уже что-то отлежавшееся и дистанцированное от нашего сегодня, дает средства взглянуть на то, что с нами происходит, со стороны, описывая то, что с нами происходит, в своих категориях. Вряд ли стоит пренебрегать такой мощной интеллектуально насыщенной прозой, в широком смысле слова.

– У меня ещё такой вопрос. Если говорить про Россию у Маклюэна – у него есть упоминания Советского союза. Как вы думаете, насколько точно, корректно, он представлял Советский Союз? Я тоже себе не совсем Советский Союз представляю, потому что уже на закате родилась.

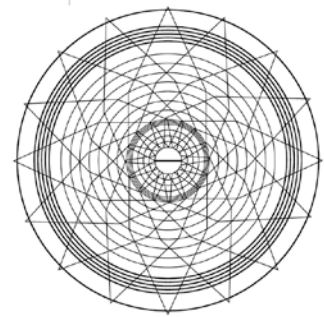
– Я не сказал бы, что это очень точно у него выглядит. То, что различия были, – это безусловно, он какие-то различия схватил, но в тех текстах, где Советский Союз затрагивается (и которые я читал), обычно это какие-то детальные, очень частные вещи, например, что советский человек более «телефонный». Удивительно вообще, что Маклюэн, не будучи напрямую знакомым с Советским Союзом, смог установить это различие опыта. Вряд ли его можно описать только через эту деталь, настолько буквально, как эта деталь изложена, но то, что средства познавательные позволяют само различие схватить, просто понять, что опыт по-другому устроен, по крайней мере такой вопрос поставить, – это тоже о многом говорит. Ведь сегодня, когда западные

[Интервью]

Николаев В. Г.

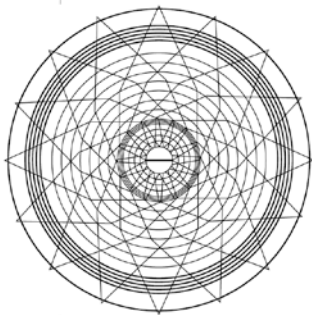
Переводя Маклюэна

стандарты в тех или иных областях к нам переносятся как рабочие – потому что они передовые технологически, – эти различия в организации опыта полностью игнорируются. А эти различия есть. «Западный» человек несколько иначе устроен с точки зрения организации, пропорций опыта, там другая жизнь, коллективная история. Мы, возможно, тоже будем такими же когда-нибудь, но не сегодня, а это значит, что сегодняшняя западная форма – западная по происхождению, там опробованная и хоть как-то доказавшая свою полезность – по-другому работает здесь. В этом аспекте то, что любая форма при переносе из одной культурной среды в другую работает не так, как она работает в исходной среде, – это антропологам известно давно, социальным антропологам, с первой половины 20 века, хорошо описано, проанализировано. Но у Маклюэна есть ещё и другие аспекты, которые в поле зрения антропологов не попадают – и получается, что не попадают в поле зрения никого. Когда речь заходит о современных формах, они как бы внекультурные, рассматриваются вне культуры. Хотя, опять же, есть попытки всё это называть культурой, рассматривать как культуру;

Современное социально-научное знание настолько богато, огромно, многие миллионы текстов в год, и, конечно, там есть всё, глупо говорить, что ничего нет. Но этого нет как рабочего элемента осмысления, как подручного средства здесь и сейчас – не где-то там написанного и осмысленного, а у нас. Маклюэн в этом плане хорош, нужен, полезен, в т.ч., например, для проблематизации и осмысления нашего своеобразия, своеобразия социокультурных форм, доставшихся нам в наследство, той организации человеческого опыта, тех «пропорций» опыта, которые Маклюэн проблематизирует, но которые сформировались здесь, которые иначе организованы. Когда речь идет о новых технологиях, новых технических средствах, технических опосредованиях, это не только промышленные и информационные, но и социальные технологии. Например, заимствованные способы организации здравоохранения, образования и так далее – они все по-другому у нас работают, потому что здесь опыт по-другому организован. Постоянно возникают непредвиденные эффекты из-за, я бы сказал, безрассудных попыток попробовать: «а как эта форма в этом растворе сыграет, какая химическая реакция здесь пойдет». Предполагается, что хорошая, а мы видим, что идет другая, и продолжаем свой опыт. Но важно хотя бы понимать, что если идет совершенно другая химическая реакция, если золото не получается, а получается ядовитый газ, то нужно задуматься. И Маклюэн дает ключи для изучения этого. Потому что, в самом широком смысле, речь о технологиях вообще. Медиа – это и колесо, и алфавит, и устная речь. Все материальные опосредования, более или менее технологизированные медиации являются медиа, средствами коммуникации, что тоже недостаточно осмысляется.

– Я кстати не спросила про слово медиа, когда термин стал в России таким употребимым. В Советском Союзе явно его не употребляли?

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

– Временами его употребляли, но в сочетании с «масс-»: «масс-медиа». Без приставки редко употреблялось, либо не употреблялось вовсе. Именно поэтому у меня это слово не было использовано в переводе книги «Понимание медиа». Слово «медиа» есть только на обложке в названии, но не в тексте. Даже сегодня, в 2017 году, один из моих последних переводов вызвал возражение: почему я перевожу media как «медиа»? Это калька. Это шло как замечание, что я не по-русски перевожу, что так нельзя по-русски говорить, что нужно «средства коммуникации». То есть это до сих пор не настолько само собой разумеющаяся вещь. А слово “медиа” правильнее использовать, потому что «медиа» – всё-таки не просто средства коммуникации в узком смысле слова, а это медиум – посредник, опосредование, среда, в которой что-то существует, и Маклюэн отчасти и рассматривает среды со своими особыми формальными свойствами. Луман, насколько знаю, тоже подходит к рассмотрению медиа как сред.

– Вы сказали про то, что каждый второй знает термин “глобальная деревня”. А что еще знает каждый второй из Маклюэна?

– Наверно, «глобальную деревню» и «средство коммуникации есть сообщение». Ещё какие-то есть ходовые фразы, сразу не припомню. Плюс «пророк электронной эпохи, пророк электронных медиа» – тоже своего рода готовый штамп. Так Маклюэн и свелся к глобальной деревне и медиа, которые являются сообщением, и к каким-то предварительным описаниям электронной эпохи.

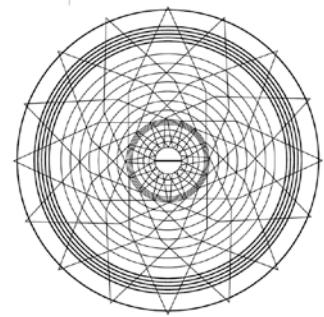
– А почему так получилось, что он свелся только к этому, как вы думаете?

– Он не вписывается ни в одни дисциплинарные рамки, которые существуют в номенклатуре специальностей, которые утвердились у нас, – ни в СССР, ни в постсоветском пространстве. Он нигде дисциплинарно не свой, везде есть какие-то жесткие критерии, которые препятствуют столь нестрогой мысли. Разве что где-то, где более творческие специальности, это может фигурировать как творческое чтение. Ну а сами подумайте: если университет все более ориентируется на тестовую форму, ну какой тест для проверки знаний можно составить для Маклюэна? Только дурацкий, убогий тест. Это знание, которое сопротивляется переводу в тестовую форму, форму контрольных работ, форму догматического преподавания; это знание, с которым ты либо живешь, либо не живешь; его нельзя преподавать как догматическое знание, о котором нужно отчитаться. Оно или живет, или не живет. Оно живет как знание недисциплинированное, не вписанное и не вписывающееся ни в какие границы, подвижное, нарушающие эти границы постоянно. У нас нет ни одной социально-научной специальности, ни одной среды учебной, в которую Маклюэн бы хорошо вписывался. Поэтому он благополучно проходит мимо и будет проходить. Это уже как бы для свободных, сформировавшихся интеллектуалов,

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

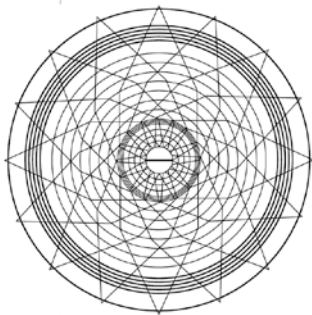

для внеклассного чтения, самостоятельного ознакомления, как бы на периферии институционально одобренного научного знания.

– Почему так сложилось?

– ВАКовские специальности упорядочивают специализации и разделения на департаменты, на отделения и кафедры, путь в науку пролегает через диссертацию, а диссертация – это всегда по конкретной специальности, соответствующей узким требованиям и критериям. И такие фигуры, как Маклюэн, очень трудно здесь живут, потому что институциональная оболочка не позволяет такого рода мысли здесь жить и развиваться. Это отчасти растет из Советского Союза, но, с другой стороны, настолько ригидных рамок, какие сегодня существуют, в Советском Союзе, кажется, не было. То есть мы достигли большей ригидности скорее. Знание передается, развивается через учреждения. Неявно предполагается, что есть свободно парящие интеллектуалы, которые свободно своим умом в какую сторону хотят – в такую и развиваются. Но это всё иллюзия, галлюцинация. Реально работающий интеллектуал – это интеллектуал, работающий в учреждении: интеллектуалы работают в вузах или академических институтах, и они не могут игнорировать те требования, которые к ним приходят через институциональную среду как от самих институтов, так и извне – от министерства образования, ВАК, номенклатуры специальностей, редакций журналов, рецензентов и т.д. Они как-то приспособляются к этим рамкам, а что-то в этих рамках живет очень плохо, например, Маклюэн. Слава Богу, журналистику еще не подвели под социальную науку с жесткими критериями. Это еще более в каком-то смысле свободная область, не столь жесткая, не столь ригидная. И еще культурология не настолько ригидна, но это ее тоже ждет, судя по той логике, которой подчинено все остальное: оазисов не бывает, если всё погружается в засуху; нет пятачков, где климатические законы другие, законы природы другие. Это апокалиплично выглядит, но не более, чем у Маклюэна.

Книга «Понимание медиа» – апокалиптическая. Ее можно по-разному прочитывать. Можно как негативный апокалипсис: одна метафора «ампутации» мозга, «ампутации» индивидуального и коллективного мозга, чего стоит как поэтическая метафора. Можно религиозно относиться: Маклюэн был верующим католиком, для него апокалипсис несколько иными характеристиками обладает. В конце концов, апокалипсис для него – это какое-то высшее событие, не история, а духовное событие, когда всё встаёт на свои места: церковь как сообщество душ в этой битве добра и зла соединится наконец-то со своим небесным женихом, Христом, по-настоящему. Можно в таком ключе рассматривать. Можно попытаться вообще позитивно рассматривать: очень много людей, которые позитивно смотрят на технологическое развитие, с огромной радостью и с большим энтузиазмом. У Маклюэна, мне кажется, более настороженное отношение. Вряд ли я какие-то более апокалиптические вещи

[Интервью]

Николаев В. Г.

Переводя Маклюэна

говору, чем у Маклюэна. Я пытаюсь в его логике какие-то вещи проговаривать: технологические формы что-то диктуют, и чем меньше они рефлексированы, тем больше они диктуют, все являются нашими продолжениями, они все рукотворные, вышедшие из нашего индивидуального и коллективного бытия, выросшие из нас, отделившиеся от нас, мы ими зачарованы как нарциссы, погруженные в наркоз. Неудивительно, что находящийся под наркозом человек не чувствует, не рефлексировывает те операции, которые над ним этой техникой совершаются.

– Интересно, можно проследить связь идей Маклюэна и католичества, а что с православием?

– Интересно, что сразу после того, как я сделал перевод, рядом появился священник православный, он сделал небольшое послесловие к моему переводу, он опубликован в книге. Созванивались, говорили – у него большой был интерес. Он вообще большое желание имел развивать эти идеи Маклюэна в России, но не получилось. Михаил Константинович Вавилов, глубоко верующий человек. Ему это было интересно именно в том ключе, в котором я только что говорил, с точки зрения осмысления этих идей в теологии, его интересовала богословская сторона тех смыслов, которые открывает нам Маклюэн. То есть: что это означает для человека в христианском, богословском ключе – благо, добро или зло? Новые возможности для высших целей, которые стоят перед человеческими душами в христианстве для верующего человека, какие новые возможности открываются или закрываются. Что это – новые испытания или новые возможности, новые перспективы? Это, может быть, несколько необычно звучит. К этому можно и со стороны отнестись, но можно и изнутри прочувствовать, проиграть. Представлялось, что электронная эпоха – это новый тип соединения человеческих душ, ментальностей, психических начал, обеспечиваемый новыми медиа, Интернетом, что это какой-то, возможно, новый симптом или предвестник. Новые возможности для церкви, новое объединение душ, независимое от тел объединение душ – церкви как сообщества душ – именно в этих новых медиа. Его вот такие вещи интересовали, возможно, какие-то ещё другие, но мы обсуждали прежде всего такие.